

Увесистая метафора

«Нью-Йорк, Нью-Йорк» ЧАРЛИ КАУФМАНА

смотрел СЕРГЕЙ ПОЛОТОВСКИЙ

КЕЙДЕН КОТАРД (Филип Сеймур Хоффман) — драматург и режиссер — начинает каждое утро со странички некрологов в муниципальной газете ньюйоркского Скенектеди. Он вообще любит читать про плохое. Потому что так гораздо легче переносить удушливость жизни. Вот где-то в Испании птичий грипп, а Гарольд Пинтер, гляди-ка ты, умер. И что тогда с того, что жена (Кэт

ден и занимается. В огромном ангаре воссоздает интерьеры и экстерьеры своей жизни, нанимает актеров, свято преданных искусству и только изредка позволяющих себе вопрос: «А когда спектакль-то? Уже семнадцать лет прошло». Прошло даже больше. Хейзел успела постареть, завести мужа и детей, расстаться с мужем. Дочка Олив выросла в татуированную стриптизершу. Да и сам Кейден поседел и подувал.

рин Кинер) разлюбила, у маленькой дочки Олив что-то не то со стулом, быт рушится в прямом и переносном смысле, а в плане творческой реализации выходит похуже, чем у Пинтера.

Дальше — больше. Жена-художница, прихватив ребенка, отваливает в декадентский Берлин со стервозно-богемной подругой (Дженнифер Джейсон Ли). Потом Кейден нескладно пытается закрутить с поэзному притягательной кассиршей Хейзел (Саманта Мортон), которая души не чает в толстом очкарике, затем — с актрисой своего театра, найти и вернуть дочь, а главное — сочинить величайшую пьесу на земле. Переплавить невзгоды в арт-продукт. Тут сильно выручает стипендия Макартюра, позволяющая ее реципиенту безбедно жить до старости, сочиняя орис магnum, без оглядки на критику и сборы. Чем Кей-

На главную роль в бесконечно ставящемся спектакле просится пожилой согладатай, лет двадцать следивший за Кейденом и способный читать его мысли, у Хейзел тоже появляется исполнительница (Эмили Уотсон). У Хейзел номер один роман с дублером Кейдена. У Кейдена — с Хейзел номер два. Действующие лица и исполнители ревнуют друг друга, пугаясь в реальностях. По ходу репетиций персонажи периодически уходят в мир иной. Кто от рака, кто суицидом, кто просто от старости.

Абсурд прочно ассоциируется с комедией. Современный человек и в Достоевском навострился видеть комика, а уж в Беккете и подавно. Кауфман сделал себе имя как сценарист «Быть Джоном Малковичем» и «Адаптации», в которых при желании можно найти где улыбнуться. «Вечное сияние страсти» тоже не без шуток.

«Нью-Йорк, Нью-Йорк», вы будете смеяться, очень грустный фильм. Много похорон и ни одной свадьбы. Вот так и люди, живут-живут и умирают.

Оригинальное название фильма «Synecdoche, New York». Синекдоха, по созвучию напоминающая город Скенектеди на севере штата, это, если кто вдруг не знает, такой прием, когда часть равняется целому. С точки зрения логики — абсурд. С точки зрения языка — запросто. Семья — пять ртов, рота — двадцать штыхов. Или вот сказал же поэт «Русь, ты вся — поцелуй на морозе!», и мы соглашаемся. Хотя при-

его первая, несценическая реальность с ее болячками, несуразностями по женской части и растроченной судьбой. То есть выясняется, когда уже все умерли, а он одной ногой в могиле.

Бывает, что билеты на рок-концерт раскупают в интернете за несколько минут, потому что все, кому надо, знали и ждали момента. Чарли Кауфман может быть уверен: его первый фильм преданные зрители ждут не меньше. После того как его абсурдистские построения переносили на экран Спайк Джонз и Мишель Гондри, интересно, что терялось при передаче и как

поминаем, что она еще и «дрожащие огни печальных деревень». Но поэту так захотелось, а поэт всегда прав.

Герой «Синекдохи» безуспешно пытается передать целого себя через часть, сценический образ. Уравнять себя с двойником-лицедеем. А заодно чуть ли не выстроить новый Нью-Йорк на территории Нью-Йорка. Тема двойничества была плотно перепажана романтиками и теми, кто шел следом. Ничем хорошим наличие двойника никогда не оборачивалось. Допельгангер всегда норовит насолить своему прототипу, занять его место, как если бы Герман Титов вечно ставил подножку Юрию Гагарину (вот, кстати, сюжет). Однако не это самое обидное. Кейден титится «оградить себя», эффектно излечиться «очуждением», но на закате дней выясняется, что самое дорогое —

же сам автор разберется на месте. Разобрался не хуже. Вышел фильм Чарли Кауфмана, который мог бы по оригинальному кауфмановскому сценарию снять любой из его уважаемых коллег. Что отличает картину от предыдущих, так это пушная мрачность и безысходность. То есть фильм очень ждали, но не все, кто ждал, обрадуются.

Слово «остроумный» ассоциируется с чем-то веселым. А этимология, если даже не задумываться, тут простая: «острый умом», то есть башковитый, умный, зараза. Режиссер-дебютант и звезда-сценарист Чарли Кауфман — один из главных фантазеров в Голливуде с клеймом «независимого», то есть умнейший человек своего времени, но он никого не обещал веселить. Он и фильм так назвал, чтоб, не дай бог, кто лишний не пришел.

В прокате с 9 апреля